

РАЗВИТИЕ ПЕРСИДСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

С начала XVIII в. Российская империя в своей внешней политике стремилась установить влияние на берегах Каспийского моря. В ходе подготовки и проведения Персидского похода центром военной и дипломатической деятельности России на данном направлении выступила Астрахань. Астраханские губернаторы, начиная с первого, Артемия Волынского, получили полномочия координации внешнеполитической деятельности России в отношении Персии непосредственно на месте.

Ключевые слова: персидский поход, форпост, центр, губернатор, военный, дипломатический.

Первая четверть XVIII в. стала переломным периодом в истории внешней политики России. В это время произошло формирование новых внешнеполитических интересов, что было непосредственно связано с деятельностью Петра I. Одной из главных составляющих внешнеполитической доктрины российской империи явилось обеспечение и последовательное отстаивание своих стратегических интересов на юго-восточном направлении. Территориальные противоречия с Османской империей, готовые в любой момент обернуться новой войной, активно побуждали Россию к надежному укреплению своих рубежей, в первую очередь в Прикаспии и на Кавказе. В этом контексте на первый план выходят отношения с Персией, которая с одной стороны могла выступать противовесом и союзником в борьбе против Турции, а с другой — стать выгодным внешнеторговым партнером России.

Важным шагом на пути развития русско-персидских отношений в начале XVIII в. стала отправка в 1715 г. послом в Персию Артемия Петровича Волынского, которому предписывалось заключить торговый договор с шахом Хусейном и подробно ознакомиться с внутривнутриполитическим положением в этой стране. Направление дипломатической миссии Волынского к шахскому престолу свидетельствовало о крайней заинтересованности и озабоченности России ситуацией, складывающейся в Персии. При последних Сефевидах здесь резко обострился кризис центральной власти, что побуждало Россию к действиям по недопущению усиления влияния в регионе других держав, в частности Турции. В своих донесениях царю Волынский указывал на слабость Персии и предлагал «прямо заселить русскими войсками южный берег Каспийского моря» [1, с. 16].

* © Кулаков В.О., 2009

Кулаков Владимир Олегович (jahondor1983@yandex.ru), кафедра отечественной истории Астраханского государственного университета, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20.

Иранский историк Абд-аль Реза Махдави приводит сведения о том, что персидская сторона была осведомлена о разведывательной стороне миссии Волынского, который «должен был собрать точную информацию о политическом, экономическом и географическом положении Персии, подтвердив Петру Великому сведения о внутренней слабости страны» [2, с. 132]. Также им выдвигается мнение, что именно доклад Волынского императору о внутренней нестабильности Персии и опасности завоевания ее со стороны афганцев побудил Петра к активным действиям на Каспийском направлении.

Продолжением начатой политики в отношении Персии являлось назначение в марте 1720 г. Волынского первым астраханским губернатором. Во время его губернаторства Астрахань постепенно превращается в форпост каспийской политики России, что было связано с подготовкой к проведению персидского похода. Составной частью общего плана по формированию персидско-кавказского направления во внешней политике Российской империи были экспедиции К.П. Вердена и Ф.И. Соимонова 1719–1720 гг. по исследованию побережья Каспийского моря, осуществленные под непосредственным руководством Волынского из Астрахани. Будучи астраханским губернатором, он начал исполнять приказ Петра I о строительстве военных судов для предстоящего похода, которые стали основой для будущей каспийской флотилии. В иранской историографии назначение Волынского губернатором в Астрахань считается важным фактором развития двусторонних отношений и напрямую связывается с его прошлой дипломатической деятельностью в Персии: «Царь Петр одобрил концепции и цели, изложенные в докладе посла, и за это поставил его губернатором в Хаджи Тархан, чтобы он эти цели реализовал» [3, с. 19].

Безусловно, первым крупным военным предприятием внешней политики России в Прикаспии стал персидский поход 1722 г. Во время его проведения Астрахань оформилась как главный военный центр России в прикаспийском регионе. О важной роли астраханского губернатора в осуществлении похода свидетельствует указ Петра I генерал-майору М.А. Матюшкину, командующему сухопутными войсками, о подчинении Волынскому: «Когда будет Вам, о чем предлагать здешний губернатор Волынский, тогда по его требованию исполняйте, а наипаче в здешних работах чинить ему всякое вспоможение» [1, с. 46]. Данный указ написан Петром в Астрахани 5 ноября 1722 г. Когда же российские войска уже заняли Гилян и Баку, на астраханского губернатора были возложены обязанности по материальному и финансовому поддержанию военных частей, находившихся там. Это подтверждает еще один указ российского императора Матюшкину от 9 сентября 1723 г.: «Писали мы к губернатору Волынскому, чтоб он отправил в Гилян к Левашову рекрутов с довольствием... и денег велено ему отправить из Астрахани три тысячи рублей» [1, с. 56].

Также во время Персидского похода наряду с военными функциями Астрахань приобретает и дипломатическое значение. Персидский посол Исмаил-бек, находясь весной 1723 г. в Астрахани и будучи информирован о готовящемся российском походе в Азербайджан, написал письмо султану города Баку, в котором призывал последнего не оказывать русским сопротивления, поскольку целью похода является «принять город в защищение против бун-

товщиков» [4, с. 101]. И хотя сначала бакинцы отвергли просьбу Исмаил-бека и приняли решение вести боевые действия с русскими войсками, ссылаясь на то, что письмо было написано не в Персии, во многом сам факт отправки этого послания персидским послом значительно сократил время, которое было затрачено русскими на осаду Баку. Уже 26 июля войска заняли город.

Важным также представляется то, что после занятия Баку российскими войсками царским указом комендантом в нем был назначен один из командующих сухопутными силами бригадир М.М. Борятинский, а члены прежнего правления — Бакинский султан Мухаммед Хусейн-бек и три его брата были посажены на корабль Соймонова и со своим имуществом вывезены в Астрахань [4, с. 105]. Как сообщает генерал-лейтенант Матюшкин в докладе Петру I, в Астрахани султан с братьями содержится под арестом и им «дается из привезенных денег каждому члену на корм по 2 копейки на день» [1, с. 60]. Кроме самого султана, Петр в письме к Матюшкину от 23 октября 1724 г. распорядился и других бакинских и дербентских жителей выслать в Астрахань вместе с женами: «на Дербентцев также смотреть крепко надобно, и ежели кто явится в подозрени велить казнить» [1, с. 65].

Крупным международным событием, завершившим Персидский поход, стало заключение мирного договора между Россией и Персией в 1723 г. Пробыв некоторое время в Астрахани, персидский посол Исмаил-бек отправился в российскую столицу на аудиенцию к императору. Там 12 сентября был заключен трактат между Россией и Персией, по которому персидская сторона уступала России свои прикаспийские провинции Гилян, Мазандаран, Астрабад, а также Дагестан. После подписания договора Исмаил-бек остался в Астрахани и прожил здесь 20 лет, опасаясь возвращаться в Персию, поскольку Петербургский трактат так и не был ратифицирован шахом.

Важнейшими факторами в развитии персидской политики России в 30–40-е гг. XVIII в. стало, во-первых, падение династии Сефевидов и приход к власти в Персии амбициозного и воинственного правителя Надир-шаха и, во-вторых, возвращение по Рештскому (1732 г.) и Ганджийскому (1735 г.) договорам Персии ее северных провинций. Помимо передачи Персии указанных территорий по 6 пункту Ганджийского договора также предусматривалось возвращение бывших подданных как российской империи, так и персидского государства на родину [5, с. 23]. Астрахань служила местом содержания многих бакинских и дербентских жителей, бежавших сюда из-под власти шаха после Персидского похода, либо насильно высланных сюда после захвата указанных городов. Подтверждением выполнения этого условия договора служит переписка между командующим персидским корпусом Василием Левашовым и астраханским губернатором Иваном Петровичем Измайловым, которая сохранилась в областном архиве.

22 ноября 1735 г. Левашов сообщал Измайлову, что согласно заключенным трактатам из Персии российские подданные уже присылаются и просил «приказать по приложенному при сем реестре всех для выдачи в персидскую сторону немедленно ко мне прислать, дабы при нынешнем случае персидской стороне холодности не подать» [6. Д. 6] После получения этого доношения по справке астраханской губернской канцелярии было найдено 87 армян — персидских подданных с женами и детьми, подлежащих высылке из Астра-

хани. Таким образом, это свидетельствует о расширении сферы внешнеполитической деятельности астраханского губернатора, который на месте проводил российскую линию в отношении Персии.

Военная активность Надир-шаха, и в частности его поход в Дагестан, непосредственно к границам России, вызвала крайнюю обеспокоенность Москвы. Об угрожающих стремлениях персидского правителя в отношении России свидетельствуют дипломатические реляции переводчика В.Ф. Братищева, находящегося при шахе, направленные им астраханскому губернатору Василию Татищеву, а также генерал-майору князю Василию Долгорукому. В них он сообщает о том, что шах действительно готовится вступить в пределы России, осуществляя необходимые военные приготовления и собирая в муганской степи войско, артиллерию, боеприпасы и другие необходимые средства. Братищев выказывает твердую уверенность в том, что эти действия шаха прямо угрожают России: «Все Шаховы надменные предприятия неминуемо к неприятельскому счастью и к дальновидным замыслам против российской империи наклонены и учреждены были» [б. Д. 69]. Сам шах, впрочем, по словам Братищева, скрывал свои истинные намерения, выдавая данные приготовления за поход не против России, а против бунтовщиков на границе и говорил, что «до Кизляра дела не имеет» [б. Д. 69].

В свою очередь, на основании имеющихся данных можно сделать вывод: правитель Ирана осуществлял двойственную политику в отношении России, не исключая возможности заручиться ее поддержкой в своей борьбе против Османской империи, что, по мнению Братищева, на тот момент не соответствовало интересам империи. Как он пишет в своем доношении астраханскому губернатору Василию Татищеву от 14 января 1743 г.: «Обнадеживание шаха помощью против его неприятелей я сходственно с высочайшими интересами не усмотрел, ибо, несомненно, его величество такое уверение принял и не примянул бы крепко за то ухватиться, требуя с российской стороны к имеющимся его на турецкого салтана предприятия помощи» [б. Д. 68].

В свою очередь Братищев пытался не допустить начала военного похода Надир-шаха в пределы России. Он стремился заручиться поддержкой представителей близкого окружения шаха с тем, чтобы через их посредничество повлиять на его решение начать кампанию против России. Необходимо отметить особую важность сведений передаваемых по этому поводу Братищевым в астраханскую губернскую канцелярию. Так, во время разговора с Мехди-ханом, одним из приближенных к шаху, ему удалось выяснить, что персидское правительство не поддерживало идею Надир-шаха о войне с Россией и сомневалось в успешности осуществления данного мероприятия, поскольку общая внешнеполитическая обстановка на тот момент складывалась для Ирана непросто. Братищев сообщал, что «все персидские министры не согласуются с намерениями шаха возбудить беспокойство с Россией, ибо и с турками дело до ссоры идет» [б. Д. 70].

5 января 1743 г. Братищев попал на аудиенцию к шаху, где представил ему Высочайший Указ российской императрицы об определении своего племянника Петра наследником всероссийского самодержавного престола. Он также сообщил Надиру, что российский народ «всякого звания» и государственные чины «от мала до велика» принесли всеподданническую присягу верности

наследнику. В свою очередь персидский шах выразил сомнения в важности данной присяги, помянув Братищеву о том, что не так давно после смерти императрицы Анны Иоанновны в России уже присягали на верность ее наследнику, двухмесячному племяннику Ивану и регенту при нем обер-камергеру Бирону. Однако «в том перемена воспоследовала, почему может быть и с нынешним наследником в свое время тоже окажется» [б. Д. 76].

Таким образом, с начала XVIII в. персидское направление в российской политике в Прикаспии становится основным. Астрахань, благодаря усилиям Петра I, стала ключевым звеном в этой политике и оставалась таковым и после завершения его главного мероприятия в рамках ее осуществления — Персидского похода. Расположенная наиболее удобно в стратегическом отношении, связанная с центральными районами страны волжской речной системой, Астрахань постепенно превращалась в важный внешнеполитический центр России. Это понятие подразумевало передачу функций решения задач внешней политики страны в отношении Персии местным органам власти. Астраханский губернатор и его губернская канцелярия были главными проводниками российских интересов на Каспии. Назначение Петром I губернатором в Астрахань А. Волынского было призвано максимально быстро создать в городе условия для дальнейшего продвижения в Персию и на Кавказ, поскольку он после дипломатической миссии 1715 г. имел достаточно знаний об обстановке в этой стране. Созданная в Астрахани Каспийская флотилия обеспечивала российское превосходство на море уже в начале 20-х гг. XVIII в. Разведывательно-исследовательские экспедиции Ф. Соимонова по Каспийскому морю, также формировавшиеся в Астрахани, сыграли значительную роль в выборе Россией политических или военных инструментов в отношениях с Персией. А дипломатическая миссия в Петербург персидского посла Исмаил-бека, оставшегося потом жить в Астрахани, значительно упростила России задачу завоевания своих позиций на Каспийском побережье Персии, Азербайджана и Дагестана.

После возвращения Россией в 30-е гг. XVIII в. прикаспийских провинций Персии главной внешнеполитической задачей на данном направлении было поддержание мирных отношений с воинственным персидским правителем Надир-шахом и недопущение начала с ним войны. Возвращение бежавших в Астрахань персидских подданных свидетельствовало о строгом соблюдении данной стратегии и стремлении России честно выполнять условия заключенных договоров. Угроза войны реально существовала, и здесь Астрахань выступала как центр сбора поступающей из Персии информации об антироссийской деятельности шаха, которая затем использовалась для выработки дальнейшей политической линии в отношении Персии.

Библиографический список

1. Комаров В.В. Персидская война 1722–1725. Материалы для истории царствования Петра Великого. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1867. 69 с.
عبدالرضا هوشنگ مهدوی. تاریخ روابط خارجی ایران. از ابتدای دوران صفویه تا پایان جنگ دوم جهانی. تهران ۱۳۸۳.

(Абд аль-Реза Хушанг Махдави. История международных отношений Ирана. От начала династии Сефевидов до окончания Второй мировой войны). Тегеран, 2005. 380 с.

3. علی اکبر بی‌نا. تاریخ سیاسی و دیپلماسی ایران. تهران ۱۳۲۷.

(Али Акбар Бина. История политики и дипломатии Ирана). Тегеран, 1949. 250 с.

4. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. 190 с.

5. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях М.: Министерство Иностранных Дел, 1946. 215 с.

6. Государственный Архив Астраханской области, Ф. 394. Оп. 2.

*V.O. Kulakov**

DEVELOPMENT OF THE PERSIAN STRATEGY IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

From the beginning of the XVIII century the Russian empire in its foreign policy tried to establish its influence on the coasts of the Caspian Sea. During the preparation and carrying out the Persian campaign, Astrakhan had a central role in the military and diplomatic activity of Russia in this sector. The Astrakhan governors, including Artemiy Volynskiy, got power of coordination of Russian foreign policy towards Persia.

Key words: Persian campaign, outpost, center, governor, military, diplomatic.

* *Kulakov Vladimir Olegovich* (jahondor1983@yandex.ru), the Dept. of Native History, Astrakhan State University, Astrakhan, 414000, Russia.